

МАРИЯ ВОРОНИНА (ГРАФ)

*Одиннадцать
минут
утра*

Мария Воронина (Граф)

Одиннадцать минут утра

«Издательские решения»

Воронина (Граф) М.

Одиннадцать минут утра / М. Воронина (Граф) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830219-0

Дорога у каждого своя. Испытания тоже. Порой, кажется, незаслуженные. Не твое... Не справишься... Но утро все равно настанет. И надо будет идти. На берег озера или на конец света. Взять свою книгу и дойти до своей точки. Не хотите пройтись вместе?

ISBN 978-5-44-830219-0

© Воронина (Граф) М.
© Издательские решения

Одиннадцать минут утра

Мария Воронина (Граф)

© Мария Воронина (Граф), 2023

ISBN 978-5-4483-0219-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моему папе

Был тот скверный отрезок ночи, уже под утро, когда цифры на часах еще позволяют поспать, но свинцовые мысли о предстоящем дне моментально атакуют залитый торможением мозг и сон исчезает. И эти два часа до подъема кажутся испытанием. И не встанешь, потому что, быстро произведя вычисление, сознание выдаст ничтожно малую цифру – количество часов, проведенных во сне и, наложив его на неприятные ожидания будущего дня, создаст формулу: «Не выспался, столько сделать надо! Ничего не получится, будешь разбитым и неуверенным». Прогноз готов, обработан и уже влияет на сознание. А ведь еще два часа поспал бы и совсем иначе себя ощущал. И начинается борьба с собой и отчего-то вдруг быстро бегущими минутами. В запасе их осталось уже только сто. Надо заснуть, надо заснуть... 60 минут. ... От раздражения, охватившей тревоги и невозможности расслабиться становится еще противнее. Просыпается желудок, выражая недовольство чувством голода и пустоты. ... Наконец, не встревоженные окончательно очаги торможения берут свое и мозг сдается. Но вскоре звенит будильник и явь ударяет в голову невыносимой разбитостью и сонливостью.

Рой открывает глаза. Утренняя темнота заправляет всеми мучительными стереотипами из детства, выстраивая их один за одним в болезненную последовательность. Он рывком поднимает голову с подушки и садится на кровати. Мысли, движения и ощущения сменяют друг друга автоматически. Пределом всех мечтаний становится эта кровать, которую приходится покинуть. Все бы отдал за отмашку, за позволение ничего не делать, никуда не идти, а остаться здесь. Мысленно произнесенное жесткое и тяжелое «надо» булыжником падает в желудок, вываливаясь из него в реальность. Ноги не ищут тапочек. К чему все эти отпрыски уюта, если в главном ощущении они ничего не изменяют.

Резкий свет в ванной слепит глаза. Мышцы пускаются в дрожь, чтобы хоть как-то отработать щедро выделенный организмом адреналин. Все существо разом проваливается и застревает в детской беспомощности и незащитности. Разыгравшаяся без объективных причин тревога не находит выхода и лупит по телу и голове, оглушая и обдавая жаром. Слышно, как накатывает и пульсирует в ушах горячая волна крови вперемешку с глухим и быстрым стуком сердца. Есть, конечно же, не хочется. Но, дабы запустить парасимпатику и сделать перестановку сил в спектакле инстинкта, Рой запикивает в себя кусок сыра (завтрак должен быть белковым) и небольшой кусок булки (углеводы, быстродостижимый драйв для мозга)...

Выход из дома, еще теплого, родного, ленного места сопровождается дополнительной порцией дрожи. Голова уходит в плечи, взгляд скользит по черной земле. Рано. Темно. Холодно. Те внешние триггеры, которые запускают цепочку внутренних ощущений: одиноко и страшно. И белок сыра где-то канул, и углеводы, и «сосет под ложечкой», и назад бы. Но день все равно надо начинать. Почему начинать было так сложно? Ведь после этого всегда наступал раж действия и деятельности, когда ты уже в пути, когда уже что-то преодолел, когда есть куда обернуться и когда вперед смотришь не со страхом, а с любопытством и дерзостью, когда, добавленная к слову «адреналин», приставка «нор» полностью меняет суть дела... Но до этой точки надо было заставить себя дойти. Заставить через тысячи «не хочу», заставить силой.

И каждый раз не было ясно, где именно эта точка. Она, подлая, могла появиться и к концу дня, когда уже не надо. Преодоление, мучительное ломание себя с непременным вопросом: почему всегда так. Почему не как у всех?

Сегодня точка была достигнута довольно быстро, но с большими энергозатратами. Зато реальность обрела свои истинные очертания, на душе прояснилось. Радовала предстоящая встреча с Идой. Вечером она должна была приехать и остаться на неделю.

Ида – сестра Роя по отцу, единокровная, как говорят. Только такая формулировка всегда Роя озадачивала. Настолько разными казались их «крови», что отец в этом свете представлялся, по крайней мере, желанным объектом для исследования генетиками.

Ида была тем вихрем, который, покружась на месте, проталкивал жизнь Роя вперед. Она была первым человеком и последней надеждой. Если не понимала она, не понял бы никто. Высокая, худая, бойкая, с короткими светло-русыми волосами, она была импульсивна и выдержанна одновременно.

Ее голос разбивал тишину и будоражил пространство. Звонкий, но плавный, с уловимым, но очень приятным дефектом: свистящие и шипящие согласные звучали в ее исполнении как-то объемно и обволакивающе. Хотелось подстроиться под тембр, который задавала речь Иды. Эта мелодика несла собой какой-то завораживающий порядок. Часто Рой просто сидел и слушал, не озадачиваясь темой Идиного монолога. Ему нужны были только звуки и ритм.

Мать Роя развелась с его отцом, когда мальчику было 4 года. Это было ее решение, о котором она заставляла себя не жалеть. У отца через какое-то время появилась другая семья, родилась Ида. Но с Роем он общаться не перестал. Часто брал к себе. Иногда на несколько дней. Вместе с Идой они ходили на детские праздники, в кино, магазины. Рой привязался к сестре быстро и окончательно. Она покорила его своим взглядом, своим голосом, теплыми ручками. У Роя появилось существо, о котором хотелось думать, с кем хотелось мечтать, кого можно было защищать. Мать Роя их отношениям не препятствовала, но сама ничего не хотела слышать о той семье. Время шло, дети выросли, отучились. Нашли работу. Отец внезапно умер. Вслед за ним умерла мать Иды.

Вместе с сестрой они кое-как справились с бедой. Каждый по-своему. Обоим пришлось сменить работу. Рой теперь занимался системами для домов, где живут старики: сигнальными кнопками в квартирах, управлением основными приборами с пульта на инвалидном кресле, сообщением данных тонометров на пульт медсестры...

Это оборудование надо было совершенствовать, обновлять, налаживать и обслуживать. Рой часто навещал тех, кто пользовался результатами его трудов. Особенно часто, и уже не по работе, он заходил к одинокому старичку. Тот жил в специализированном доме не так далеко. Жил совсем один. Родных не было. Почти всех друзей уже не стало. Рой называл его дядя Грей и всегда приносил пачку миндального печенья. Оно быстро становилось мягким в чашке чая с молоком и придавало их беседам неповторимый вкус.

Грей прожил долгую, тяжелую жизнь, под конец которой болезнь усадила его в инвалидное кресло. Но в нем он жил так, словно буквально на минуту присел на стул, чтобы передохнуть. Кресло не унижало его достоинства. Оно было лишь техникой, которая облегчала быт, техникой, которая иногда барахлила, и которую можно было поругать. Больше он не ругал ничего. Никогда не душил Роя старческими беседами о морали и «своем времени». Он жил просто, как многие, так, как предлагали обстоятельства. Он перестал судить людей и не давал советов из своих уст. Только каждый раз, когда Рой пил чай за небольшим круглым столом посередине комнаты, он замечал на столе раскрытую книгу с какой-нибудь подчеркнутой строкой. Так недокучливо и осторожно Грей пытался что-то ему донести. Книгу словно только что читали и отложили. Фразы каждый раз были удивительно цепкими, книги всегда разными. Рой,

конечно, иногда не предупреждал о своем приходе и Грей не мог угадать, в какой именно день нужно класть книгу. Видимо, сразу после ухода парня старик находил нужное произведение и нужную страницу, и так все и лежало, пока Рой снова не позвонит в дверь.

Сегодня перед приездом Иды Рой зашел в знакомый дом и нажал на кнопку, раздался тягучий звонок, затем щелчок, дверь раскрылась. За дверью никого не было.

– Добрый день! – Крикнул Рой вглубь квартиры. – Ну как, лучше так видно?

– Намного! Проходи!

Рой недавно установил Грею видеодомофон и автоматическое открывание двери.

– Чайник ставить? – спросил Рой

– А я тебя в окно увидел и уже поставил. Бойко так идешь. Что-то радостное предстоит?

– Да, сестра приедет на недельку.

– Хорошо. Ко мне сегодня соседка заходила. Говорит, у нас новый жилец появился.

– Мужчина?

– Да. Повар. Может, побалует нас чем.

– А какой за ним уход?

– Вроде никакого. Ходит сам, в магазин выходит. Просто жены не стало. Нет больше никого, а здоровье плохое. Уговорили соседи сюда перебраться под присмотр.

Рой тем временем принес чай, открыл пачку с печеньем.

– Так он теперь вас своими кулинарными опусами соблазнит и вы мое печенье разлюбите?

– Что ты! Я в жизни пробовал столько чудес! А миндальное печенье мне мама пекла. Разве что-то может затмить запах маминого фартука, вкус теплого печенья с молоком?! Фуа-гра и маскарпоне – для молодых. Старикам нужна не мода. Им нужна безмятежность. Она в детстве. А у твоей сестры нет детей?

– Нет пока.

– Ты заметил, что сегодня был удивительный рассвет?

Рой автоматически напрягся. А потом разозлился сам на себя. Сколького он сам себя лишил! Мир нейтрален – ни радужен и ни тревожен! Окрашиваем его только мы. А потом чего-то боимся и не видим простых вещей.

На столе лежала книга «Мой голос останется с вами». Это были истории, записанные Сиднеем Розеном со слов великого Милтона Эриксона. В середине страницы была подчеркнута строчка: «Замечал ли ты когда-нибудь, Сид, что каждая травинка имеет свой оттенок зеленого?».

Ида стала работать в крупной фармацевтической корпорации. В ее обязанности входило общение с людьми, которые проходили экспериментальное лечение новыми препаратами компании. Кто-то принимал их лежа в больнице – уже от безысходности, кто-то – ради определенной суммы денег, от нужды, кто-то (молодой и здоровый) – в интересах науки. Ида беседовала с ними, составляла психологический статус, определяла мотивацию, отношение к лечению и личностные прогнозы. Потом навещала тех, кто лечение уже прошел – удачно или нет. Снова выясняла их отношение к терапии. Это была сложная и энергозатратная работа. Но она была очень нужна и давала неоценимые сведения, вплоть до того, какого цвета и формы лекарства вызывают у пациентов позитивный настрой. Разумеется, все это компания учитывала при производстве препаратов.

Работая в изначально пограничном пространстве, где с одной стороны стоит реклама, услуги, продажи и бизнес на здоровье, а с другой стороны – наука, открытия на благо и само здоровье, она старалась быть максимально честной и доносить в своих отчетах именно чело-

веческие, а не потребительские нужды и желания. Хотя, на первый взгляд, между ними и стоит знак равенства.

Спектр продукции был очень широк. И люди, с которыми нужно было общаться, тоже были разными. Иногда надо было ходить в больницу и разговаривать с мамами, которые в отчаянии согласны были на все, сами искали новые и новые способы, готовы были хоть из рук черта принять лекарство, лишь бы оно облегчило боль и жизнь ребенка. Увидеть, пообщаться с такой мамой было для Иды сильнейшим перегрузом, но она никогда его не пыталась избежать. Потому что не приди она – придут другие. Те, кто не сумеет понять боль, кто не обнимет эту маму, кто не подарит ей надежду. Ида смотрела на этих женщин: она боялась и безмерно восторгалась ими. Женщины с уже нечеловеческими глазами. Они были не людьми, а кем-то больше. Это существо, которое могло все, могло БЫ все на свете, если бы точно знало, что именно нужно. Бесконечное мужество, сплетенное с безграничной лаской. Готовность делать что угодно, отдать что угодно ради секунды, когда ребенок просто улыбнулся.

Не все родители соглашались испытать новый, хотя уже прошедший все необходимые проверки, препарат на своем ребенке. Но кто решался, вкладывал в каждую таблетку, в каждую каплю инъекции всю свою надежду. Ида приходила, сразу представлялась и честно рассказывала о цели визита. Она не любила лезть в душу, ловко въезжая по рельсам сострадания и потом аккуратно выходить на само лечение. И, видимо, настолько искренне она строила эти первые минуты посещения, что никто ни разу еще не попросил ее уйти.

И когда более или менее беседа завязывалась, ей всегда задавали самый сложный вопрос: – А как ВЫ считаете, это поможет?

Она не могла знать. Как? Даже если набегала ничтожная статистика о 15 положительных результатах из 16, разве могла она гарантировать, что сейчас, конкретно у этого, 17-го, ребенка будет успех?! Она не скрывала цифры и открыто просила в то же время не думать о них. Все, что могла она сделать – это всей душой убедить маму и папу стать еще сильнее, еще нежнее, еще больше верить и еще больше поддерживать. Это ей удавалось. Контора за глаза называла ее живым плацебо и посылала курировать сложную терапию. Каждой такой маме Ида отдавала всю свою силу, всю энергию, чтобы та могла дальше бороться за своего ребенка. После таких визитов Ида выпадала из жизни на пару дней. И в компании ей никто не говорил ни слова. Их статистика показывала положительный эффект от терапии, если к ней была причастна Ида. В фирме было много талантливых продавцов, спецов по рекламе, богов по финансам. Но она была тем, кто реально мог способствовать лечению.

Когда Ида возвращалась домой, она додыхивала последний воздух, что оставался в легких, потом набирала полную грудь и плакала. Когда и на это не оставалось сил, она шла спать, понимая, как она ненавидит свою работу «для себя» и что она через несколько дней будет работать еще лучше – «для них».

Иногда она ездила в дома престарелых и душевно проводила время за чаем и разговорами о чудесных эффектах от нового снотворного. Охотнее делились своими раздумьями пожилые дамы. Они усаживали Иду за стол и рассказывали, как хорошо спят после лекарства, какие интересные сны видят, и что утром «просыпают» до 9 часов. За чередой похвал шла череда предложений – когда совсем неразумных и невыполнимых, а когда вполне дельных. Кому-то непременно хотелось, чтобы таблетка была ярко-красного цвета, как пуговицы на детской пижамке, которую мама в детстве надевала своими ласковыми руками, а потом укладывала спать. Кто-то предлагал добавить ароматизатор. Пилюля со вкусом ванили, по словам бабушек, способствовала бы еще более быстрому засыпанию.

Настроение Роя с каждой минутой подымалось все выше и почти достигло ликования. Радость встречи всегда была взаимной и искренней. С детства ничего не изменилось. В подкорке, по крайней мере. Это всегда был подсознательный восторг и нетерпение, предвкушение приятных минут, часов или дней. И не важно, что при этом говорило сознание. Было такое

поглощающее и доминирующее желание скорее-скорее приблизить момент встречи, а потом – пусть хоть что случается. Это как когда несешь горячую полную тарелку супа: и руки уже обжег, и до стола чуть-чуть остается, и не пролить бы. И все мысли только о том, чтобы донести, не разбить. А потом... хоть потоп. Так и Рой ждал встречи. Донести бы себя, не расплескать. Рассказать о главном или просто посидеть рядом. Послушать ее голос, дать ей высказаться. Две волны катились-катились, нашли одна на другую и успокоились. И волны совершенно разные, и шли по-разному, и расплескались каждая по-своему, но утихли обе. И снова штиль на какое-то время в двух пульсирующих жизнях.

Ида приехала на такси, гулко и отрывисто позвонила в дверь. Хозяин долго себя ждать не заставил. Через какое-то время, еще слишком не долгое с момента встречи для откровений или просто молчания, Ида заварила себе чай и села на кухне.

– Как твой знакомый?

– Дядя Грей? Только сегодня у него был. Рассказал, что ты приедешь.

– Что он тебе поведал? – Без издевки и с искренним интересом спросила Ида.

– ... что каждая травинка имеет свой оттенок зеленого...

Ида задумалась и почему-то нахмурилась.

– Сколько у тебя времени?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.